

Замѣчательные уроженцы и дѣятели Харьковской губерніи.

(Продолженіе).

Белень-де-Баллю, Яковъ Яковъ. (Jaques Nicolas Belin de Ballu), французъ сынъ адвоката, р. 1753 г. Членъ Парижской Académie des inscriptions et belles lettres, переводчикъ соч. Лукіана, былъ съ 1803 профессоромъ греческ. и франц. словесности въ Харьковскомъ университетѣ, преподавалъ также и латинск. литературу и заведывалъ библіотекою. Съ 1811 г. преподавалъ въ педагогич. институтѣ. † 16 іюня 1815 г. При обзорѣ публ. чтеній Харьк. унив. 1807 г. есть его: Notitia et descriptio aliquot codicum manuscriptorum, quae reperiuntur in bibl. Univ. J. quae Charkoviae floret. 40. Discours sur l'éducation publique, comparée à l'éducation privée, prononcé, le 30 Aout 1807.—М. 1807. 4, Y Con. № 10047 указанъ переводъ Николая Наумова: Рѣчь о сравненіи общественнаго воспитанія съ домашнимъ. М. 1807. 80.

Quérard, France litt. I, 259 (Исчислены франц. его сочиненія).—Энци. Лексиконъ V, 236 (Кенпена). Справочный Энци. Словарь, II, 213.—Кн. Ив. М. Долгорукаго: Славны бубны за горами (чтенія Моск. Общ. Ист. 1869, кн. II), стр. 51, прим. Водянского. Объ немъ упоминается въ статьѣ Н. Лавровскаго: Карзининъ, въ журн. Мин. Н. Пр., т. 159 (1872).

Бутковский, Петръ Александровичъ, докторъ мед., ст. с., изъ духовнаго званія, р. 1801 г., учился въ Харьковскомъ коллегіумѣ, потомъ въ Сиб. медико-хирургич. академіи, по выходѣ изъ коей служилъ военнымъ врачомъ и между прочимъ 6 лѣтъ въ Выборгскомъ военномъ госпиталѣ. Получивъ въ Гельсингфорскомъ университетѣ, въ 1832 г., степень доктора мед., онъ оставилъ службу и, занимаясь практикою, обработалъ свое сочиненіе о душевныхъ болѣзняхъ. Въ 1834 г. онъ былъ назначенъ орд. профессоромъ въ Харьковск. университетъ по кафедрѣ хирургіи и науки о душевныхъ болѣзняхъ; тогда же ему поручена была хирургич. клиника и въ 1837 г. преподаваніе частной патологіи и терапіи. Въ іюнѣ 1844 г. онъ пораженъ былъ апоплексическимъ ударомъ и въ томъ же году, 21 ноября, скончался.

Его сочиненія: De vitae psychicae anomalia generatim. 1832.—Подробное и основательное наставленіе распознавать и лѣчить геморроидальную болѣзнь во всѣхъ ея видахъ. Извлеч. изъ соч. Рау, Газе, Рейля и Рихтера. II. 1830.—Душевные болѣзни, изложенныя сообразно началамъ нынѣшняго ученія психіатріи. 2 ч. II. 1834. 80. Diatribē isagogica de statu medicinae hodierno deque erigendo aptiori systemate nosologico morborum, ad chirurgia spectantium. Charkow. 1835.—Начертаніе частной патологіи и терапіи человѣческихъ болѣзней, изд. для руководства въ преподаваніи. 2 ч. Харьковъ, 1841. 80.

Въ некрологѣ его не упомянутъ и неизвѣстно, ему-ли принадлежитъ указанный въ каталогахъ подъ именемъ П. Бутковскаго переводъ съ нѣмецкаго: Домашній лѣчебникъ... Соч. К. I. Киліана; 2 ч. II. 1823, 120; 3 ч. II. 1830, 120 и 3-е изд. (и на титулѣ 2-е), II. 1836, 80 и 20.—О безплодіи мужинъ и женщинъ и средствахъ къ излѣченію ихъ, соч. Мондана. Съ фр. II. 1826, 120. Прибавленіе къ журналу Мин. Н. Провс. 1844, кн. IV-я, стр. 97—100.—Heine, Medic. Zeitung. Russlands 1845, № 25.—Справ. Энци. Словарь II, 525.

Вербицкий, Андрей Андреевич, учитель одной из Харьковских гимназий. Вербицкий перевел съ польскаго и дополнилъ нѣкоторыми примѣчаніями Календари на 1810, 11 и 12 годы, изданные по наблюденіямъ бердичевскихъ кармелитовъ боснхъ. Календари эти напечатаны въ университетской типографіи. Послѣ того имъ-же издавался хозяйственный календарь на 1812—1819 годы, подъ названіемъ: Подарокъ городскимъ и сельскимъ экономамъ. Съ 1817 по 1823 г. Вербицкимъ была издаваема газета „Харьковскія Извѣстія“. Въ ней было четыре отдѣленія: внутреннія происшествія, заграничныя новости, смѣсь и объявленія. Ему-же принадлежатъ слѣд. сочиненія: Правила латинскаго стихосложенія, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ стихотвореній, взятыхъ изъ сочиненій лучшихъ стихотворцевъ латинскихъ. Х. 1813 г. 8°. Краткая руссійская грамматика, содержащая въ себѣ правила, руководящія къ познанію руссійскаго языка. 1813 и 1816 г. 8°. Избранныя мѣста изъ русскихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ. 2 ч. 1822 г. 8°.

Вербицкий умеръ 19 апрѣля 1859 г.

Биографич. свѣдѣнія о немъ: Словарь Снегирева 178 стр. Прибавл. къ „Харьков. Губ. Вѣдом.“ 1859 г. № 32, „Русск. Дневникъ“ 1859 г. № 99 и „Отчетъ Харьк. универ.“ за 1859 г.

Гизе, Фердинандъ Из. (Johann Emmanuel Ferdinand Giese), родомъ изъ Кюстрина, въ Пруссіи (р. 13 янв. 1781). Изучилъ химію въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ, гдѣ служилъ въ придворной аптекѣ, и въ 1803 вызванъ былъ въ Россію, для преподаванія химіи въ учрежденномъ тогда Харьковскомъ университетѣ. Получивъ въ Эрфуртѣ степень доктора философіи, онъ прибылъ въ Харьковъ, учредилъ здѣсь въ 1804 химическую лабораторію, совершилъ нѣсколько поѣздокъ на югъ Россіи, для изслѣдованія минеральныхъ водъ; въ 1805 произведенъ въ экстраорд., а въ 1811 орд. профессоромъ, въ 1814 переведенъ на кафедру химіи въ Дерптъ. Ум. въ Митавѣ, 22 мая 1821. Онъ былъ корреспондентъ Спб. Академіи Наукъ и членъ нѣсколькихъ ученыхъ обществъ. Его сочиненія. Von den chemischen Processen u. den dabei sich darbietenden Erscheinungen, nebst Darstellung der sie bewirkenden Mittel und Ursachen. Berlin. 1804. 80. — Lehrbuch der Pharmacie zum Gebrauche öffentlicher Vorlesungen und zur Selbstbelehrung... I. B. (in 3 Abtheilungen), Riga, 1806—1807. 80; I. B. II. Theil, (4 Abth.) Riga 1808; 3 Theil (8 Abth.), Leipzig, 1811; 4 Th. (6 u. letzte Abth.). Leipzig, 1811. — Физико-химическое и врачебное испытаніе минеральныхъ водъ и нѣкоторой глины, отысканной Полт. губ. въ Константиноградскомъ повѣтѣ, близъ рѣки Орели. Харьковъ, 1806. 80. Hauptzüge der Fortschritte welche die Naturforscher Russlands in der Kenntniss vaterländischer Naturerzeugnisse gethan haben und von denen welche noch zu thun übrig sind. Рѣчь, Харьковъ, 1807. (Перепечатано въ Mittheilung wöch. Unterh. V. VI, 1807). — Извѣстіе о испытаніи минеральныхъ водъ, въ дачахъ ст. сов. Кочубея находящихся, Полтав. губ. Константиноградскаго у., при деревнѣ Дубовыя Грады называемой. Харьковъ, 1808. 80. Извѣстіе о испытаніи минер. водъ, открытыхъ въ Изюмскомъ у. въ дачахъ г. Денисенкова. Харьковъ, 1809. Classification des substances végétales et animales, selon leurs propriétés chimiques. M. 1810. 80. О выгоднѣйшемъ способѣ добывать и очищать селитру... Харьковъ, 1811. 80. Извѣстіе о испытаніи сукно-валяльной земли, найденной въ дачахъ г. Капниста, Екатеринославской губ. Харьковъ, 1812. 80. Всеобщая химія для учащихся и учащихся. Съ пѣм. рукописи перев. В. Комлишинскимъ 5. ч. Харьковъ 1813—17. 80. Darstellung der allgemeinen Chemie zum Behuf seiner Vorlesungen. I. B. 1 Abth., welche die Systemkunde enthält. Dorpat, 1820. 80. Статьи въ Scherer's Journal der Chemie (1801—1802), въ Mémoires de la soc. des naturalistes de Moscou (Т. I и II), въ Griendels russ. Jahrb. der Pharmacie, въ Scherer's Annalen и другихъ. — Онъ издавалъ съ Гринделемъ: Russische Jahrbücher der Chemie, 1809 и 1810. Scherer's Annalen der Chemie I, 225. 380. — Meusel. Gel. T. XIII, 466 и XVII, 712. — Recke u. Napiersky lexicon, II, 52—56 и Nachtrag I, 211 (исчислены статьи его). Объ немъ упоминается въ статьѣ Лавровскаго: Каравинъ и открытіе Харьк. университета, въ журналѣ Мин. Н. Пр. т. 159 (1872), стр. 234.

Матушинскій, *Аполлонъ Михайловичъ*. Почетный вольный общникъ Императорск. Ак. Худ. Скончался въ С.-Пб. 19 декабря 1885 г. Онъ родился въ 1829 г., въ Харьковской губ., гдѣ его родители, мѣстные православные помѣщики, жили въ своемъ имѣніи, въ с. Котельнѣ, Ахтырскаго уѣзда. Кончивъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ, кандидатомъ, А. М. Матушинскій сперва служилъ въ министерствѣ путей сообщенія, потомъ, выйдя въ отставку, долго путешествовалъ въ чужихъ краяхъ, посвятивъ себя изученію галлерей и музеевъ изящныхъ искусствъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Копенгагенѣ, Вѣнѣ, Мюнхенѣ, Флоренціи, Римѣ, Неаполѣ и Мадридѣ. Съ 1866 по 1869 годъ, въ первое трехлѣтіе Харьковскаго земства, А. М. Матушинскій служилъ по выбору членомъ Харьковской губернской земской управы, причемъ, съ другимъ членомъ той-же управы, дважды являлся въ Петербургъ депутатомъ Харьковскаго земства съ ходатайствомъ къ правительству о построеніи Харьково-Азовской желѣзной дороги. Въ послѣдніе годы онъ усердно работалъ, въ качествѣ члена особой комиссіи при Императорской академіи художествъ, по дѣлу устройства музеевъ изящныхъ искусствъ въ городахъ Россіи вообще и въ Харьковѣ въ особенности, и кончилъ жизнь въ день опубликованія извѣстія, что труды этой комиссіи увѣнчались успѣхомъ. А. М. Матушинскій свои богатые собранія книгъ, картинъ и другихъ художественныхъ предметовъ, какъ слышно, въ послѣдніе дни завѣщалъ родному своему городу Харькову.

Пассекъ, *Вадимъ Васильевичъ*. Род. 1808 г., ум. 1842 г. Семейство Пассековъ нельзя причислить къ кореннымъ слободско-украинскимъ дворянскимъ родамъ; но во всякомъ случаѣ это одно изъ стариннѣйшихъ дворянскихъ семействъ Харьковской губ. Ихъ родовое гнѣздо—въ Волчанскомъ уѣздѣ, въ сел. Спасскомъ. Пассеки—выходцы изъ Россіи. Въ прошломъ столѣтіи Богданъ Пассекъ, Бѣлгородскій губернаторъ, поселился въ Харьковской губ. и приобрѣлъ Спасское. Вад. Вас. Пассекъ родился въ Сибирѣ, въ Тобольской губ.; тамъ же получилъ и первое образованіе, до десятилѣтняго возраста въ семьѣ Керновъ, затѣмъ подъ руководствомъ отца, очень умнаго и образованнаго человека. В. В. поступилъ въ Московск. университетъ, гдѣ и кончилъ курсъ. Жизнь въ Москвѣ и университетъ сблизили его со многими людьми, которые играли позже большую роль въ исторіи развитія русской мысли, между проч., онъ былъ очень близокъ, по дружескимъ, а частью и родственнымъ отношеніямъ съ Герценомъ. Но онъ очень рано разошелся съ тѣмъ направленіемъ, которое наиболѣе талантливо представлялось Герценомъ, и примкнулъ къ славянофильскому кружку Вельгмана; съ этими людьми у него было болѣе общаго, и по его религіозности, и по склонности къ спокойнымъ научнымъ занятіямъ. Вѣроятно, подъ влияніемъ славянофильскаго кружка, и научныя его стремленія рано приняли совершенно опредѣленный характеръ: направились на изученіе русской исторіи и роднаго быта. Такъ какъ дѣти Пассекъ не были лишены права на родовое имущество, то, Вадимъ Вас., по окончаніи курса въ университетѣ, пріѣзжалъ въ Спасское. и здѣсь впервые познакомился съ родиной, которая до тѣхъ-поръ была ему чужда, и тотчасъ же сдѣлалъ ее предметомъ своихъ научныхъ изслѣдованій. Въ 1834 г. Пассекъ получилъ приглашеніе занять кафедру исторіи въ Харьковскомъ университетѣ. Онъ уже пріѣхалъ въ Харьковъ и готовъ былъ приступить къ чтенію лекцій, какъ встрѣтилось затрудненіе, разстроившее все: обнаружившіяся сношенія его съ Герценомъ набросили на него тѣнь политической неблагонадежности. Кафедра осталась для него навсегда закрытой. Съ тѣхъ-поръ его официальное положеніе заключалось въ томъ, что онъ числился при статистическомъ отдѣленіи министерства внутреннихъ дѣлъ и занимался научными разслѣдованіями, по порученію министерства. Но въ то же время велъ параллельно и самостоятельные научные литературные труды. Изъ нихъ наибольшей извѣстностью пользуются „Очерки Россіи“, которые онъ издавалъ отдѣльными выпусками; затѣмъ

„Путевыя записки“, „Путеводитель по Москвѣ и ея окрестностямъ“ и т. д. По порученію министерства онъ сдѣлалъ статистическія описанія губ. Харьковской, затѣмъ Таврической и, наконецъ, Московской. Въ частности для нашего края немногіе сдѣлали больше того, что сдѣлалъ Вад. Вас. Пассекъ. Во время пребыванія въ Онаскомъ и Харьковѣ, онъ работалъ надъ изученіемъ природы, правовъ, обычаявъ и исторіи края. Онъ состоялъ членомъ Харьковского Статистическаго Комитета и работалъ, между прочимъ, и по порученію Комитета. Пассекъ серьезно интересовался историческими вопросами и, повидимому, не мало думалъ и объ исторіи Слободской Украины. Но онъ не успѣлъ развить своихъ взглядовъ въ какомъ либо цѣльномъ трудѣ, а коснулся исторіи нашего края лишь въ своихъ „Путевыхъ запискахъ“ въ двухъ статьяхъ: „Украина“ историческій очеркъ Малороссіи и „Устроеніе слободскихъ полковъ и Малороссіи.“ Не далъ онъ законченнаго труда и по мѣстной этнографіи, хотя не мало работалъ для нея. Въ Очеркахъ Россіи есть слѣдующія его этнографическія статьи: Веснянки (1840 г. кн. 5), Малороссійскія размывки при рожденіи дѣтей (кн. 2). Малороссійскія святки: 1) Рождественскій сочельникъ, 2) Меланки или щедровки, 3) Новый годъ (кн. 3). Въ этихъ послѣднихъ статьяхъ, Пассекъ имѣлъ въ виду представить не голые обычаи, вырванные изъ ихъ бытовой обстановки, а живую картину быта, въ которую эти обычаи входятъ, какъ органическая ткань. Въ той-же 3-й книгѣ „Очерковъ Россіи“ есть и еще статья съ этнографическимъ содержаниемъ: „Историко-этнографическій очеркъ слободы Ахтырскаго у. Каплуновки“. Изъ этнографическихъ трудовъ, оставленныхъ В. В. Пассекомъ, необходимо еще упомянуть о „Малороссійской свадьбѣ“, большой, но не оконченной статьѣ въ „Литературномъ Сборникѣ“, *) изданномъ литературными друзьями Вад. Вас. тогдашъ послѣ его смерти, чтобы помочь его семьѣ, оставшейся безъ всякихъ средствъ. Статистическимъ изслѣдованіямъ Пассека поспчастливилось явиться въ болѣе законченномъ видѣ. Въ 1837 г. Пассекъ представлялъ въ статистическое отдѣленіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Статистическое описаніе Харьковской губ. съ планами и видами. Оно было напечатано въ Матеріалахъ для статистики Россійской Имперіи 1839 г. (Историко-статистическое описаніе Харьк. губ., отд. 2, стр. 125—69 и Города Харьк. губ., отд. III, 87—171). Затѣмъ необходимо еще сказать объ археологическихъ изслѣдованіяхъ Пассека, касающихся нашего края. Они заключались въ обзорѣ и изученіи городищъ и кургановъ. Онъ осмотрѣлъ большую часть укрѣпленій по рр. Дону, Удамѣ, Мжи и составилъ карты и описанія кургановъ и городищъ уу. Харьковскаго, Валковского и Полтавскаго. Всѣ археологическія работы представлены были Пассекомъ въ Имп. общество исторіи и древностей, но независимо отъ этого, онъ помѣ. стиль въ разныхъ изданіяхъ нѣсколько статей, касающихся этого предмета: „Замѣчательныя городища Харьковскаго и Валковского уу.“ („Харьк. Губ. Вѣд“. 1841 г. № 37), „Курганы и городища“, „Хозарское городище“, „Ровъ на Муравской дорогѣ“ (Русск. Истор. Сборникъ, т. III), „Курганы и городища въ Харьк. губ.“ (Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ 1837 г. № 9), „Отрывокъ изъ письма объ описаніи кургановъ“, „Замѣтка о курганахъ Изюмскаго и Харьковскаго уу.“ „Курганы и городища Харьковскаго, Валковского и Полтавскаго уу.“ (Русск. Ист. Сборн., 1837—8 гг., т. I, кн. 3, т. II, кн. 2), „О слоб. Каплуновкѣ и ея древностяхъ“ („Очерки Россіи“, 1840 г., кн. 3.). Даже мѣстная природа возбуждала любознательность Пассека и давала ему матеріалъ для наблюденій и изслѣдованій, какъ свидѣтельствуемъ его статьи „Предѣлы сѣверныхъ и южныхъ растений въ Харьк. губ.“ („Очерки Россіи“, 1840 г., кн. 1). Изъ остальныхъ его работъ, касающихся Харьковской губ., слѣдуетъ упомянуть еще статьи: „Куряжской Преображенскій монастырь“ („Очерки Россіи“ 1840 г., кн. 4). и „Харьковская Троицкая ярмарка, итоги торговли шерстью съ 1834 по 38 г.“ (Тамъ-же, кн. 2).

*) По матеріаламъ, оставленнымъ Пассекомъ, составлена была объ этомъ предметѣ болѣе точная работа Рителъманомъ.

Къ сожалѣнiю, смерть слишкомъ рано отняла Пассека у русской науки и нашего края, для котораго онъ навѣрно работалъ-бы и дальше такъ, какъ онъ успѣлъ во время своего недолговременнаго пребыванiя здѣсь, не только заинтересоваться имъ, но и полюбить его. Онъ умеръ на 34-мъ году отъ скоротечной чахотки. Жена его Татьяна Петровна, урожденная Кучина, издала очень интересныя записки подъ названiемъ „Изъ дальнихъ лѣтъ“, въ которыхъ, кромѣ свѣдѣнiй о семьѣ Пассековъ вообще и Вадимѣ Васильевичѣ въ частности, заключается много цѣннаго материала для характеристики нѣкоторыхъ выдающихся личностей 40-хъ и 50-хъ годовъ.

Рѣпинъ, Илья Ефимовичъ. Художникъ Рѣпинъ происходитъ изъ бывшихъ военныхъ поселенiй Харьковской губ. Онъ родился въ г. Чугуевѣ въ 1844 году, гдѣ его мать старуха проживала до послѣдняго времени. Первые годы своей дѣятельности, всю эпоху пробужденiя страсти къ искусству онъ провелъ въ мастерской малороссiйскаго иконописца, гдѣ писалъ большiе образа для иконостасовъ по 5 руб. за каждый. Двадцати лѣтъ онъ прiѣхалъ въ Петербургъ въ ненастный ноябрьскiй день, съ нѣсколькими рублями въ карманѣ. Громадное художественное дарованiе Рѣпина вскорѣ было замѣчено, и онъ быстро выдвинулся въ ряды первыхъ, самыхъ крупныхъ русскихъ художниковъ. Получивъ золотыя медали за свои академическiя работы: „Ювъ и его друзья“ и „Тайрова дочь“, Рѣпинъ по окончанiи курса академiи, путешествовалъ по Волгѣ, потомъ за границу. Памятникомъ рожденiя Рѣпина въ Малороссiи служить одна только картина „Вечерницы“, — картина превосходная, какъ превосходны все произведенiя этого талантливаго, быстро-работающаго художника; его-же кисти „Бурлаки на Волгѣ“, „Царевна Софья“, „Крестный ходъ въ Курской губ.“, „Не ждали“, „Смерть царевича Иоанна“.

„Вечерницы“ Рѣпина служили украшенiемъ девятой передвижной выставки. Это большая картина, полная живости и юмора. Въ малороссiйской хатѣ, освѣщенной двумя свѣчами, собралась толпа парубковъ и дивчатъ; на первомъ планѣ, лицомъ къ зрителю, танцуетъ дѣвушка; передъ ней „наварисядки“ вытѣлываетъ колѣна парубокъ; музыканты скрипачи играютъ; вся толпа сидящихъ и стоящихъ внимательно смотритъ на танцующихъ. Все смѣются, и каждый смѣется по своему; у каждого свое выраженiе, свое довольство, свой смѣхъ. Лица характерны, типичны. Въ художественной критикѣ недостаткомъ картины было поставлено грубое и не красивое выраженiе лицъ, въ особенности стоящей на переднемъ планѣ танцующей дѣвицы „Мы привыкли, сказано было по этому поводу въ „Художественномъ журналѣ“, съ именемъ дѣвушки, особенно малороссiйской, соединить въ нашемъ представленiи извѣстную красоту и грацію, конечно, не сценическую, не условную грацію, съ которой фигурировали въ большинствѣ случаевъ художники, писавшiе малороссiянковъ, но красоту и грацію натуральную, ту, какую въ единственномъ образѣ мы видимъ на этой-же картинѣ у Рѣпина въ темномъ углу, въ одной прекрасной женской головкѣ... Жители юга, малороссы, красотой, какъ извѣстно, далеко не обижены. „Вечерницы“ весьма крупное произведенiе новаго искусства, произведенiе замѣчательное по технической отдѣлкѣ, по обилiю бытовыхъ подробностей, по вѣрности дѣйствительной жизни. Нужно впрочемъ замѣтить, что бытовыя подробности картины, такъ сказать, мѣстныя; по крайней мѣрѣ мѣстнымъ характеромъ отличается убранство хаты, въ особенности оригинальное помѣщенiе свѣчей на веревочкѣ, подъ потолкомъ“.

Самборскiй, Андрей Афанасьевичъ, протоiер. Родился въ 1732 году въ Никитовкѣ, Ахтырскаго уѣзда, отецъ его Афанасiй Самборскiй, священникъ

изъ дворянъ, имѣлъ родственникомъ Царьборисовскаго сотника Андрея Самборскаго. Андрей Афанасьевичъ обучался въ Кіевской Академіи и, по окончаніи образованія духовнаго, посланъ былъ въ Лондонъ, гдѣ въ 1769 г. сочетавшись бракомъ съ англичанкою, посвященъ былъ во священника по-солской церкви; любимымъ занятіемъ его была здѣсь агрономія, которую изучилъ онъ отчетливо. Въ 1781 г. Высочайше назначено ему было состоять въ свитѣ Государя Наслѣдника во время путешествія по Европѣ. Въ 1784 г. онъ избранъ былъ въ духовника и наставника по Закону Божію и Англійскому языку В. К. Александру и Константину Павловичамъ. Въ 1788 г. опредѣленъ въ протоіерея придворной церкви гор. Софіи. Въ 1797 г. ему порученъ былъ главный надзоръ за школою земледѣлія, открытою тогда близъ Царскаго Села. Въ 1799 г. Императоръ Павелъ избралъ его въ духовника для В. К. и Эрцъ-Герцогини Австрійской Александры Павловны; при ея особѣ находился онъ до самой кончины ея. По преданіи же тѣла землѣ, путешествовалъ по Чернѣгоріи, Боккодикаттаро, Греціи и островамъ Архипелага, былъ въ Константинополѣ и Крыму. Отчетъ о семъ путешествіи, котораго цѣлю было ближайшее знакомство съ земледѣліемъ и торговлею разныхъ мѣстъ, представленъ былъ высшему начальству. Рескриптомъ отъ 4 марта 1797 г. Высочайше пожалована ему въ потомственное владѣніе слобода Камянка, или Стратилатовка, близъ г. Изюма. Въ ней онъ пробылъ нѣсколько времени по возвращеніи изъ-заграницы. Здѣсь онъ обратилъ все вниманіе на нравственное и хозяйственное состояніе черкасовъ Камянки: онъ завелъ школу, больницу, аптеку и пѣвчихъ. По возвращеніи изъ-за границы, пожалованъ ему орденъ Іоанна Іерусалимскаго, а въ 1799 г. орденъ Св. Анны 1-й ст. съ брилліантовыми знаками. Ему дозволено было имѣть квартиру въ Михайловскомъ замкѣ. Здѣсь онъ скончался на 84 году жизни въ 1815 году, хотя и приготовилъ было гробъ съ часовнею для своего вѣчнаго покоя въ Камянкѣ. Камянка послѣ его смерти перешла къ его родственникамъ Малиновскимъ, у которыхъ до сихъ поръ хранятся плугъ Самборскаго и его портретъ. Послѣдній въ нынѣшнемъ году напечатанъ въ „Историч. Вѣстникъ“, но приписанъ другому лицу. Изъ сочиненій его напечатаны: а) Рѣчь Императрицѣ Екатеринѣ, по возвращеніи ея съ юга. Спб. 1787 г.; б) Описаніе практическаго Англіискаго земледѣлія. М. 1781 года.

Соханская (литературный псевдонимъ—*Кохановская*), *Надежда Степановна*. Когда-то—и не Богъ знаетъ какъ давно, всего лѣтъ двадцать тому назадъ—имя Кохановской стояло на ряду съ именами первыхъ нашихъ беллетристовъ-художниковъ. Но тяжелыя-ли условія ея женской доли, природныя-ли средства таланта, что-то помѣшало ей идти впередъ съ ея блестящими литературными сверстниками. Въ то время какъ они все развивали свои таланты, обогащали литературу все новыми и новыми вкладками, неразрывно связывая свои имена со всею развитіемъ какъ русскаго искусства, такъ и русской мысли, Кохановская все болѣе и болѣе оставалась въ тѣни; она рѣдко появлялась въ печати, появлялась въ органахъ мало симпатичныхъ нашему интеллигентному большинству, поработала свой талантъ узкой и односторонней тенденціей—и забывалась. За долго до своей смерти она уже была мертвецомъ, имя котораго достояніемъ исторіи литературы и извѣстно были современному поколѣнію развѣ по прекраснымъ отрывкамъ, которыя печатаются въ хрестоматіяхъ, въ родѣ: „Анна Гавриловна“ или „Смерть Чернаго“. Сравнительно недавняя ея полемика съ гр. Толстымъ могла возбудить развѣ только удивленіе—такой удаленностью отъ всего живаго и современнаго дышала она—но не сочувствіе или хотя-бы даже интересъ. А между тѣмъ кому посчастливилось прочесть и особливо въ эпоху юной свѣжести впечатлѣній, напр. ея повѣсть „Послѣ обѣда въ гостяхъ“, тотъ навсегда сохранитъ благодарное воспоминаніе объ этомъ недооцененномъ и въ высшей степени симпатичномъ талантѣ, который въ такой мѣ-

рѣ владѣлъ секретомъ всякаго русскаго большаго таланта: видѣть и освѣщать другимъ все истинно человѣческое въ самыхъ простыхъ и грубыхъ проявленіяхъ обыденной дѣйствительности.

Надежда Степановна Соханская родилась, жила и умерла въ хуторѣ Макаровѣ, въ степной глуши Изюмскаго уѣзда (въ 7 верст. отъ слоб. Савинцея и 30 в. отъ у. города). „Родилась, жила и умерла въ хуторѣ“—этими простыми словами въ извѣстномъ смыслѣ исчерпывается вся внѣшняя сторона ея біографіи, слишкомъ простая, слишкомъ лишенная всѣхъ осложненій, которая такъ часто въ излишествѣ выпадаютъ на долю человѣка. Была ли эта простота гарантіей спокойствія, если не счастья? Кажется, нѣтъ; при отсутствіи какихъ-либо треволненій и катастрофъ, жизнь Кохановской, по крайней мѣрѣ самая цѣнная пора жизни—юность, была вдоволь отравлена тѣми бурями въ стаканѣ воды, тѣми булавочными уколами, отъ которыхъ такъ трудно избавиться женщинѣ и которая въ суммѣ ложатся на душу тяжело, чѣмъ всякая катастрофа. Бѣдна, зависима, степная барышня—и писательница.... Маленькій хуторъ (350 дес.) принадлежалъ ея матери, которая была родомъ изъ Курск. губ. Отецъ умеръ, когда Н. С. было еще совсѣмъ ребенкомъ, и матери ея—вдовѣ, бѣдной владѣлицѣ хутора, приходилось воспитывать самой двухъ сыновей и дочь. Естественно, всѣ заботы были только о сыновьяхъ, на нихъ же возложены и всѣ упованія. Интересы дѣвушки систематически приносились въ жертву интересамъ ея братьевъ, и сама Н. С. привыкла принимать такое положеніе, какъ должное. Правда, ей удалось получить нѣкоторое образованіе, такъ какъ она кончила курсъ въ Харьковскомъ Институтѣ, но только потому, что ее можно было пристроить на казенный счетъ. А самая жизнь въ институтѣ, жизнь казеннокоштной воспитанницы, безъ копѣйки денегъ, часто безъ необходимой тетради или книги. „Вспомните“, пишетъ Над. Степ. одной своей пріятельницѣ уже лѣтъ десять спустя по выходѣ изъ Института, „какой бѣдной, загнанной дѣвочкой я росла въ Институтѣ? Богъ съ нимъ—тѣ дѣтскія слезы прошли, да слѣды ихъ остались. О, какъ осторожно должны мы поступать съ ребенкомъ! Меня загнали, запугали, едва десятилѣтнюю дѣвочку уединили въ себя. Во мнѣ убили всякую свѣтлую безпечность молодого чувства... сдѣлали не по лѣтамъ серьезною, робкоюю, недоверчивою къ самой себѣ“. Институтъ оконченъ. Потянулася жизнь на хуторѣ, тихая, томительно однообразная. Потянулася молодость, лишенная всего, что ее краситъ, полная горечью и отравой той тысячи-тысячъ мелочныхъ непріятностей, какая нарастаетъ изъ дисгармоніи юнаго и зависимаго женскаго существа съ окружающею его обстановкой. А дисгармонія не могла не быть рѣзкой, поддерживаясь разницей во взглядахъ, стремленіяхъ, вкусахъ, привычкахъ, а главное той высшей духовностью богато-одаренной натуры, которая дѣлаетъ ее мало приспособленной къ обыденнымъ условіямъ жизни. Но эта исключительность натуры, рано принявшая у Кохановской опредѣленное выраженіе литературнаго таланта, если была для нея источникомъ страданій, то, съ другой стороны, доставляла ей тѣ высшія радости, съ которыми незнакомы зауриядныя психическія организаціи. Избранный кружокъ институтскихъ подружек-beaux esprits, какъ ихъ величали въ насмѣшку классныя дамы,—книги, степная природа, народная жизнь, которая обхвачивала ее на хуторѣ, старина, о которой она слышала, отъ матери и тетки—ко всему жадно прикипала она, жадно всасывала впечатлѣнія, и они перерабатывались въ ея душѣ въ образы, дышащею полнотою жизни. И вотъ институтка, степная барышня, безъ совѣта, безъ поддержки, лишь неопределимо толкаемая внутренней работой, совершающейся въ ней безъ ея вѣдома и желанія, рѣшается писать, чтобы дать исходъ тому, что живетъ въ ея душѣ. У ней нѣтъ бумаги—она пишетъ на старинныхъ синихъ рапортахъ своего покойнаго отца; недѣй смѣются—она еще глубже уходитъ въ себя и свое дѣло; наконецъ, ея первые литературные опыты оказываются неудачными, ея повѣсти остаются незамѣченными, искажаются редакціями—она продолжаетъ писать. Одна изъ лучшихъ ея повѣстей „Гайка“ въ 1854 г., перебивавъ почти во всѣхъ

тогдашнихъ редакціяхъ, живо хранился въ Пантеонѣ. Но цензоромъ Пантеона былъ Гончаровъ, и онъ замѣтилъ свѣжей и сильный талантъ. Какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла, декорации мѣняются. Та-же негодная „Лайка“ перепечатывается въ „Русскомъ Словѣ“, приписавъ автору значительный гонораръ; редакціи засыпаютъ Кохановскую предложеніемъ сотрудничества. Талантъ ея развѣтвѣется. Въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ 1858—59 гг. появляются шедевры: „Послѣ обѣда въ гостяхъ“ и „Изъ провинціальной галлерей портретовъ—портретъ на выдержку (исторія богатыря Гаврила Михайловича)“. Произведенія эти вызвали общій и вполнѣ заслуженный восторгъ: успѣхъ, слава, матеріальныя средства все было теперь у Кохановской, стеной помѣщицы, старой дѣвушки, безвыѣздно жившей на своемъ хуторѣ, въ своемъ старосвѣтскомъ домикѣ, крытомъ соломой, обмазанномъ глиной, пріютившемся подъ тѣнью акацій, сирени и вишенъ. Въ 1862 г. она въ первый разъ выѣхала на свѣтъ Божій: была въ Петербургѣ, гдѣ ее встрѣтили литературные ея пріятели и почитатели, гдѣ она имѣла личныя аудіенціи у покойной Государыни, лестные знаки вниманія который она не могла не оцѣнить глубоко. Кохановская могла блестяще устроиться въ Петербургѣ. Но женщинѣ подъ сорокъ лѣтъ трудно начать жить снизнова, и Кохановская вернулась на свой хуторъ. Внутренняя личность каждаго художника-писателя связана болѣе или менѣе тѣсно съ его произведеніями—это общее правило. Но для такихъ писателей, какъ Кохановская, это правило имѣетъ исключительное значеніе. Она не питала свои художественныя силы разнообразіемъ и богатствомъ вѣнскихъ впечатлѣній; тѣмъ болѣе значеніе имѣлъ въ ея художественномъ творчествѣ ея собственный душевный міръ. Поэтому, чтобы вполнѣ понимать произведенія Кохановской, надо ясно представлять ея нравственную личность. Но мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, ни писемъ Кохановской, ни какого-нибудь дневника или записокъ ея, ни воспоминаній людей, близко ея знавшихъ. Потому мы необходимо должны ограничиться указаніемъ лишь на извѣстныя намъ рельефнѣйшія черты, предоставляя будущему біографу детальнѣе очертить ея во всякомъ случаѣ необыденную и чрезвычайно симпатичную нравственную фizioномію. Главная черта, придававшая нравственной личности Кохановской ея оригинальную складку, это—глубокая религиозность. Мы не знаемъ, какъ миновала Кохановскую—и миновала-ли—горькая чаша религиозныхъ сомнѣній, мимо которой такъ трудно пройти современному интеллигентному человѣку. Какъ-бы то ни было, она осталась вѣрна до конца вѣрованіемъ своего дѣтства. Религія не была для нея привычной формой, обрядомъ; она проникала собою все ея нравственное существо. Отсюда—цѣльность, какою отличалась Кохановская; въ сложныхъ психическихъ организаціяхъ—а Кохановская несомнѣнно обладала таковою—цѣльность можетъ являться лишь результатомъ объединяющаго дѣйствія какого-нибудь могучаго нравственнаго принципа. Въ Кохановской было то, что она умѣла цѣнить и въ другихъ: сила и высота нравственнаго чувства, неразрывно связанныя съ крайней простотой его проявленій. Очень характерна для личности Кохановской ея смерть. Еще въ январѣ 1883 г., не смотря на преклонныя лѣта, она отличалась юношескою силой и здоровьемъ—результатомъ, съ одной стороны, ея деревенской дѣятельной жизни, съ другой, никогда не покидавшей ея душевной бодрости и энергіи. Но въ мартѣ она престудилась на похоронахъ своего старого слуги. Это было началомъ какой-то тяжелой внутренней болѣзни. Убѣдившись въ серьезности своей болѣзни, Над. Степ. сама заказала себѣ въ Харьковѣ чугунный крестъ и поставила его на родовомъ кладбищѣ въ саду. Затѣмъ приготовила парчи, конверты съ платой священникамъ за свое погребеніе, сама разрѣзала платки и обернула свѣчи, осмотрила платки, въ которомъ должна была быть похороненной, сдѣлала безусловно все необходимыя распоряженія, даже назначила кто изъ преданныхъ ей старухъ-крестьянокъ долженъ былъ сидѣть около ея тѣла. Все это дѣлала она, не смотря на мучительныя предсмертныя страданія, и умерла, слушая чтеніе псалтыри.

Такъ, умѣть умирать лишь простой народъ. Нужно-ли говорить, что Кохановская не знала разлада между словомъ и дѣломъ, что она была чрезвычайно строга къ себѣ и крайне снисходительна къ другимъ? Все это необходимые черты того нравственнаго типа, къ какому она принадлежала. Необходимое упомянуть, что Кохановская пользовалась глубокой симпатіей всѣхъ, кто зналъ ее. Еще одна черта внутренняго міра писательницы остается вливаясь на себѣ вниманіе, такъ какъ она самымъ тѣснымъ образомъ связана съ ея произведеніями. Обыкновенно люди того психическаго склада, какъ Кохановская, люди, сосредоточившіе свои душевные интересы на вопросахъ религіозно-нравственныхъ, остаются чуждыми тому, что волнуется общественную мысль или чувство. Кахановская не принадлежала къ этимъ людямъ. Она тѣсно примкнула къ одной группѣ общественныхъ воззрѣній, которой и осталась вѣрна до самой своей смерти: это было такъ называемое славянофильство. Мы уже упомянули вскользь, какъ служившее этой тенденціи вредно отразилось на ея писательскомъ талантѣ.

Даже въ эпоху разцвѣта ея дарованія нельзя не замѣтить вліянія этой тенденціи, напр. на повѣсти—„Кирила Петровъ и Настасія Дмитрова“—нѣкоторая дѣланная идеализація извѣстныхъ сторонъ русскаго человѣка, требующихся по славянофильской программѣ, ослабляетъ впечатлѣніе повѣсти, которая тѣмъ не менѣе еще все-таки очень хороша. Чѣмъ дальше, тѣмъ пошло хуже. Принаравливаніе къ—надо сознаться—узко понимаемой ею славянофильской доктринѣ, къ славянофильскому пониманію жизни и ея явленій, отразилось не только на идеѣ ея произведеній, но перешло даже и на форму, даже на языкъ: она утратила тотъ сильный, прекрасной, своеобразный языкъ, какимъ написаны ея лучшіе произведенія. Отъ одной только славянофильской крайности удержалась она: ея обоженіе великорусскаго народа и его свойствъ, обезпечивающихъ за нимъ исполненіе великой исторической миссіи, не переходило у ней въ третированіе другихъ народностей. Наоборотъ: живя на рубежѣ, гдѣ великорусская народность соприкасается съ малорусской, принадлежа по происхожденію, по семейнымъ традиціямъ и симпатіямъ одинаково и той и другой, она сохранила къ обѣимъ одинаково теплыя чувство и уваженіе. А любить и уважать народъ она, дѣйствительно, умѣла, какъ немногіе.

Ни размѣры, ни характеръ статьи не позволяетъ намъ вдаваться въ критическую оцѣнку произведеній Кохановской. Укажемъ только на ея значеніе, какъ писательницы мѣстной. Конечно, Кохановская не была мѣстной писательницей въ общепринятомъ смыслѣ этого слова: она не участвовала въ мѣстной прессѣ, не разрабатывала вопросовъ мѣстной жизни. Но за то она глубоко интересовалась окружавшей ея жизнью, а также и мѣстной стариной, и въ ея произведеніяхъ и-йдетъ много любопытнаго и мѣстный историкъ, и мѣстный этнографъ или вообще человѣкъ, интересующійся какими-либо сторонами мѣстной культурной жизни. Незатѣйливый сюжетъ ея повѣсти „Послѣ обѣда въ гостяхъ“ раскидывается на фонѣ прекрасно написанной картины дореформенной жизни одного изъ нашихъ уѣздныхъ городовъ Купянска: патриархальныя нравы мелкаго чиновничества и мѣщанства, еще не порвавшаго связей съ народнымъ духомъ и традиціями, выступаютъ передъ нами въ поэтической окраскѣ, какую трудно придать современнымъ нравамъ этой среды. Въ „Старикѣ“ рисуются любопытныя черты быта и нравовъ Слободской Украины прошлаго вѣка; правда, мѣсто дѣйствія ея рассказовъ чаще находится въ предѣлахъ Курской губ., чѣмъ Харьковской, но описываемыя ею мѣстности Курской губ., по малорусскому характеру своего населенія и по другимъ связаннымъ съ этимъ обстоятельствамъ особенностямъ, ничѣмъ не отличались отъ сосѣднихъ съ ними мѣстностей Харьковской губ. Затѣмъ въ разныхъ произведеніяхъ Кохановской мы находимъ много разнообразныхъ отдѣльных черты мѣстныхъ нравовъ, описанія мѣстной природы, напр. степей, стѣнныхъ хуторовъ, Святыхъ Горъ и т. п.

Сочиненія Кохановской извѣстны гораздо менѣе, чѣмъ они того заслуживаютъ, еще вслѣдствіи одного вѣшняго неблагоприятнаго обстоятельства. Дѣло въ томъ, что хотя они имѣли отдѣльное изданіе, но изданіе это попало въ руки одного Харьковскаго книгопродавца, который разорился — товаръ же его, а вмѣстѣ и сочиненія Кохановской, пошли въ продажу на пуды. Такимъ образомъ, исчезло изданіе, и сочиненій Кохановской невозможно достать въ отдѣльной книгѣ; изъ старыхъ-же журналовъ раздобывать ихъ, конечно, слишкомъ затруднительно.

Цыхъ, *Владиміръ Францовичъ*, ум. 1837 г. Несмотря на свое чешское или венгерское происхожденіе, Цыхъ былъ уроженецъ Харьковской губ. и настоящій русскій, по духу и симпатіямъ. Онъ кончилъ курсъ въ здѣшнемъ университетѣ и здѣсь-же въ 1831 г. началъ свою преподавательскую дѣятельность. Въ 1833 г. онъ представилъ магистерскую диссертацию на тему: „Разсужденіе о способѣ преподаванія исторіи“, и получилъ степень магистра, а вмѣстѣ съ тѣмъ и профессуру. Но его искреннему и прямому характеру былъ крайне не симпатиченъ образъ дѣйствій его Харьковскихъ коллегъ, и въ слѣдующемъ-же году онъ перевелся на кафедру всеобщей исторіи въ Кіевскій университетъ. Только три года прожилъ Цыхъ въ Кіевѣ, но въ эти три года онъ успѣлъ заслужить общее уваженіе и признаніе, и какъ талантливый профессоръ, и какъ энергичный, всецѣло преданный университету, ректоръ: онъ былъ вторымъ ректоромъ Кіевского университета.

Розенштраухъ, Іоаннъ-Амброзій, пасторъ г. Харькова.

(Изъ записокъ Ф. О. Рейнгарда).

Въ день Вознесенія Господня 1880 года въ Харьковской Евангелической Лютеранской церкви былъ отпразднованъ торжественно 50-лѣтній юбилей ея существованія. Изъ свѣдѣній, сохранившихся въ церковной хроникѣ и другихъ архивныхъ документовъ, впрочемъ, не далѣе 1768 года, явствуется, что въ Харьковѣ постоянно жили Лютеране, но по малочисленности своей не соединялись еще въ приходъ; требы же исправлялись пасторами, приѣзжавшими изъ Полтавы, Екатеринославскихъ колоній и пр. Изъ числа этихъ временныхъ пасторовъ извѣстны: Христіанъ Веберъ изъ Полтавы, 1768—1803. Іоаннъ Готфридъ Барендтъ, 1804—1805. Послѣдній, будучи адъюнктомъ профессоромъ Харьк. Univ., безмездно совершалъ богослуженіе по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ на квартирѣ своей. До 1809 г. богослуженіе совершалось въ залѣ губ. гимназіи. Затѣмъ пасторы Карлъ Биллеръ изъ колоніи Іозефсталь, 1806—1809 и еще 1811 г., Гейзе, 1809—1810 г. постоянно. При послѣднемъ разрѣшено совершать богослуженіе въ одной изъ свободныхъ аудиторій университета, и прихожане впервые избрали церковный совѣтъ, члены котораго назначались на годъ. Нѣкоторое время, въ перемену съ пасторомъ Биллеромъ, былъ пасторъ Карлъ-Августъ Лиммеръ изъ Полтавы. Карлъ Теодоръ Зедеггольмъ 1816—1820, постоянно. Совѣтъ исходатайствовалъ на содержаніе пастора въ Харьковѣ отъ правительства ежегодно отпускной суммы 400 руб. асс. Въ 1819 году, въ апрѣлѣ прихожане вызвали изъ Москвы Іоанна Фридриха Фритче, въ качествѣ кюстера, съ окладомъ 250 руб. асс., и эту должность онъ (послѣ предшественника своего Штейнгейзера 1810—1819) исполнялъ до половины сентября 1860. Разбитый параличемъ этотъ усердный церковно-служитель уступилъ свое мѣсто Стефану Киссъ (изъ Венгерцевъ), и по нынѣ исполняющему эту обязанность.